

А. СТРОНИНЪ.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Если посмотримъ чрезъ исторiи, аки чрезъ зрительныя трубы, на мимошедшiе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ нежели въ свѣтлыхъ ученихъ временахъ.

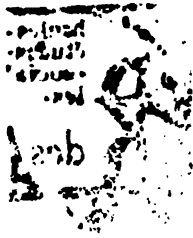
Петръ Великий (Духовн. Реглам.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографiя Министерства путей сообщенiя (А. Бенке).

1885.

KF 30790

✓

Yeller

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача этой книги состоитъ въ томъ, чтобы фактическую исторію общежитія обратить, по мѣрѣ возможности, въ теоретическую. Другими словами, вмѣсто одной внѣшней связи фактовъ, хотѣлось бы найти ихъ связь по существу, взаимное отношеніе всѣхъ ихъ и каждаго между собою, а также и ко всему цѣлому. А вмѣсто того, чтобы объяснять эту связь теологически или философски, желательно бы объяснить ее научно, т. е. посредствомъ естественныхъ законовъ, присущихъ общественной жизни.

Въ русской литературѣ такое притязаніе появляется впервые. А при всякомъ первичномъ появленіи его, трудно не вспомнить о такой же порѣ въ развитіи наукъ естественныхъ. Слишкомъ хорошо, напримѣръ, извѣстно, что каждый почти разъ, какъ эти науки переходили къ непривычнымъ еще для ума чисто-научнымъ объясненіямъ явленій, тотчасъ же возникала мысль, не противорѣчитъ ли такая научность вѣрѣ. Правда, современемъ первое впечатлѣніе это всегда разсѣвалось, и оба вѣдѣнія оказывались вполне совмѣстимыми. Мало того, вся та стройность, вся подзаконность явленій, какая установлена съ тѣхъ поръ въ природѣ, не только не пришла въ противорѣчіе съ божественной волей въ мірѣ, но, напротивъ, только еще пуще предположила ее въ немъ. Тѣмъ не менѣе, однажъ, одного этого едва ли достаточно для такой же полноправности науки общественной, какая естествознанію принадлежитъ уже по силѣ самой давности. А потому первая сдѣлаетъ лучше, если, не ожидая тѣхъ же недоразумѣній, напередъ уже считается съ ними, на самыхъ же первыхъ страницахъ своихъ.

Общественная наука, еще больше чѣмъ естественная, дѣйствительно способна внушать тѣ же сомнѣнія, если не по вѣку, въ какомъ она появляется, то по тѣмъ предметамъ, которыхъ касается; такъ какъ ей приходится объяснять естественными причинами цивилизацію, а въ томъ числѣ и самую, слѣдовательно, исторію религій. При видѣ же этихъ объясненій, и чѣмъ удачнѣе они, тѣмъ больше, всегда возможно предположеніе, да не устраняютъ ли причины естественныя причинъ сверхъестественныхъ—предположеніе почти дѣтское, слишкомъ мало философское, но тѣмъ-то и больше способное къ популярности. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ никакая наука не только не исключаетъ, но и не въ состояніи исключать вѣру, какъ ни одна изъ нихъ не могла упразднить даже философію. Наука потому и есть наука, что она добровольно и сама по себѣ перестаетъ, наконецъ, вступаться какъ въ сверхъестественное (предметъ теологій), такъ и въ безусловное (предметъ философіи), и ограничивается однимъ лишь естественнымъ и однимъ условнымъ. И сколько бы при этомъ ни исчерпывала она всю свою область познаваемаго, а непознаваемое все-таки остается и будетъ оставаться навсегда. Спрашивается, какое же возможно тутъ столкновеніе между тѣмъ и другимъ, когда одно другого не только не опровергаетъ, но даже одно другимъ предполагается. Въ самомъ дѣлѣ, если въ исторіи найдется та же правильность и та же разумность, какія открыты въ природѣ; то не будетъ ли это новымъ и вѣщимъ предубѣжденіемъ въ пользу самой причины всего: и природы, и исторіи.

Но (скажутъ, быть можетъ, другіе) тогда излишне всякое вмѣшательство этой причины въ естественное теченіе событій: излишне, напримѣръ, откровеніе въ христіанской исторіи. Совершенно наоборотъ. Коль скоро вся исторія есть не что иное, какъ непрерывное вмѣшательство, какимъ же образомъ утверждать перерывъ въ немъ, для какой бы то ни было исторіи. Коль скоро вся исторія есть нечто иное, какъ постепенное откровеніе, какъ же отрицать степени этого откровенія? А такими степенями и суть: въ началѣ—всѣ естественныя религіи, въ концѣ—откровенная.

Еще дальше, если изъ трехъ христіанскихъ церквей подвиж-

нѣе или прогрессивнѣе всѣхъ есть, очевидно, лютеранская, католическая—меньше, а всѣхъ менѣе—православная, то не сообщает ли это какого-либо преимущества первымъ двумъ надъ третьею? Но обычное отождествленіе прогрессивности съ совершенствованіемъ даетъ только чисто-словесное основаніе такому заключенію. Когда же вспомнимъ, что дѣло идетъ о храненіи послѣдней, окончательной религіозной истины; то заслугою тутъ становится, напротивъ, именно неподвижность, а никакъ не движеніе.

Наконецъ, въ своемъ изложеніи исторіи гражданственности, авторъ принужденъ былъ вѣдаться въ нѣкоторыя, быть можетъ, циническія подробности древней, политеистической нравственности. Но да не поставитъ ему этого въ укоръ читатель, такъ какъ безъ такихъ подробностей пришлось бы скрасть и самую заслугу христіанской нравственности, которая какъ рукой сняла всѣ такія извращенія естества. А съ другой стороны, наоборотъ, если новая нравственность затребовала, быть можетъ, и больше отъ человѣческой природы, чѣмъ эта послѣдняя дала въ состояніи (какъ на примѣръ въ идеалахъ аскетизма); то иначе и быть не могло, ибо такова бываетъ всякая реакція противъ всякой предъидущей крайности. Во всякомъ случаѣ, высота идеала, хотя бы то и мало достижимаго, все-таки остается свидѣтельствомъ въ пользу того, кто вноситъ такой идеалъ въ міръ.

Вотъ причины, по которымъ общественная наука такъ же мало расходится съ вѣрою и съ нравственностью, какъ и естественная. Впрочемъ, самый текстъ скажетъ объ этомъ еще больше, хотя и безъ словъ, однимъ сопоставленіемъ фактовъ.

Остается замѣтить, что, для облегченія труда своего, авторъ долженъ былъ устранить изъ изслѣдованія, во-первыхъ, всю экономическую исторію, ограничиваясь одною политическою, а во-вторыхъ, исторію политическаго регресса, довольствуясь однѣми гипотезами прогресса.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	I
Исторія цивилизаціи	1
Религія	—
Философія	58
Наука	97
Логика цивилизаціи	122
Исторія культуры	150
Введеніе	—
Организація	181
Политика	222
Право	264
Патріархальное	265
Государственное	302
Международное	477
Эстетика культуры	571
Исторія гражданственности	643
Нравы	—
Обычаи	712
Преданія	725
Этика гражданственности	733
Психологія исторіи	746
Приложеніе	769

ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

Подъ именемъ цивилизаціи понимается здѣсь религія, философія и наука, т. е., собственно говоря, лишь продукты цивилизаціи. Что же касается самого органа ея, т. е. интеллигенціи, а также функцій его, каковы: новаторство, пропаганда, агитація (см. Политика какъ наука); то исторія ихъ, ради вышшаго сокращенія задачи труда, здѣсь опускается.

РЕЛИГІЯ.

Фетишизмъ.—Связь фетишизма съ политеизмомъ и политеизма съ фетишизмомъ.—Политеизмъ.—Переходъ отъ политеизма къ монотеизму и обратно.—Монотеизмъ.

Понятіе фетишизма, какъ предшественника политеизма, сразу отбрасываетъ насъ въ тѣ отдаленныя эпохи бытія, которыя не принято даже включать въ политическую исторію, и которыя обыкновенно исключаются изъ нея подъ именемъ „доисторическихъ“, догосударственныхъ временъ. Между тѣмъ, эти именно времена содержатъ въ себѣ всѣ самопервѣйшіе шаги развитія, безъ которыхъ вовсе немыслимо никакое пониманіе и всякихъ дальнѣйшихъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, времена эти несравненно продолжительнѣе, чѣмъ всѣ, такъ называемыя, „историческія“. Если принять въ соображеніе выводы лингвистовъ объ образованіи языковъ, выводы археологовъ о каменномъ вѣкѣ и выводы геологовъ объ ископаемыхъ остаткахъ человѣка, то эти историческія времена представятся не больше, какъ однимъ мгновеніемъ, вся же остальная исторія окажется доисторическою. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, одной—качественной и другой—количественной, доисторическія или, вѣрнѣе, первобытныя эпохи представляются, напротивъ, наиболѣе историческими.

А. СТРОНИНЪ.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Если посмотримъ чрезъ исторiи, какъ чрезъ
зрительныя трубки, на мимошедшiе вѣки, увидимъ
все худшее въ темныхъ нежели въ свѣтлыхъ учо-
ниахъ временахъ.

Петръ Великий (Духовн. Религ.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографiя Министерства путей сообщенiя (А. Бенке).

1885.

ненія на островахъ Дружбы, на Фиджи и во многихъ мѣстностяхъ Америки. Но и это не все. Въ Самаркандѣ, напримѣръ, предметомъ почитанія служитъ рѣка Согдъ. У башкировъ священно озеро Ахоть. Для аравитянъ была святою гора Арарать. У друидовъ были священныя лѣса и рощи. Въ Перу главнымъ предметомъ почитанія одного племени было море. Наконецъ, въ числѣ фетишей перуанскихъ значилась, между прочимъ, и вся вообще земля. Но и тутъ не конецъ. Есть еще поклоненіе такимъ предметамъ, какъ горшокъ съ красною глиною, перо краснаго попугая, колья, обмотанные шерстью, и т. п., какъ это было въ африканской Гвиней еще въ прошедшемъ столѣтіи. Есть поклоненіе воткнутому въ землю мечу, какъ это было у скифовъ. А путешественникъ де-Броссъ видѣлъ въ Австраліи дикарей, которые молились на червоннаго короля, забытаго у нихъ европейцами. Такимъ образомъ, не только всѣ остественныя произведенія земли, но и самые предметы искусства, созданія рукъ человѣческихъ,—все это можетъ наполнять и дѣйствительно наполняетъ собою пантеонъ фетишизма. Не мудрено поэтому, если Ремеру случилось видѣть одного стараго негра посреди цѣлыхъ 20,000 его фетишей, о которыхъ хозяинъ и самъ не зналъ, когда и за что они поступили въ пантеонъ его, но зналъ только, что собраны они предками его, и собраны именно за услуги ихъ. А между тѣмъ, ко всему этому, хотя и безсознательному, но тѣмъ не менѣе дѣйствительному, всебожію, не философскому, но за то вполне реальному, необходимо прибавить еще, быть можетъ, такое же самое число душъ тѣхъ же самыхъ фетишей. Коль скоро фетишъ есть всегда живое существо, хотя бы онъ и не былъ животнымъ, то у него, также, какъ у человѣка, должна быть и своя душа. Если же души, какъ дикарь достоверно знаетъ это изъ явленій сна, могутъ отдѣляться отъ тѣла, то вотъ и еще одинъ источникъ для новаго пантеона божествъ, и притомъ, на этотъ разъ, уже духовныхъ, а не тѣлесныхъ. Такимъ образомъ происходятъ цѣлыя сонмы духовъ, которые, въ свою очередь, бываютъ то добрыми, то злыми. У австралійцевъ, отаитянъ, фиджійцевъ, краснокожихъ индѣйцевъ все кишитъ духами, все полно ими: каждая роща, водопой, скала, плодъ, камень, тропинка, хижина. Таитяне полагаютъ, что деревья, плоды, камни, всѣ одарены душами, такъ что если топоръ или пила сломались, то души ихъ остаются цѣлы. Ирокезы вѣрятъ въ духовъ дубовъ, кленовъ, брусники, малины, мяты, табаку, му-

равнинныхъ построекъ. Негры Золотаго Берега называютъ ихъ вонгами и предполагають обитающими на каждомъ участѣ земли. Если все это вмѣстѣ, оба эти проявленія фетишизма, мы назовемъ фетишизмомъ *земнымъ* или теллуризмомъ, то первая стадія религіозныхъ міровоззрѣній будетъ достаточно отличена отъ всякой послѣдующей.

Говорить о хронологіи первобытныхъ эпохъ, конечно, невозможно, а потому и устанавливать на хронологическихъ данныхъ послѣдовательность этихъ эпохъ также невозможно. Тѣмъ не менѣе, однакожь, есть другія достаточныя основанія для того, чтобы заключать, что только что очерченная система фетишизма должна была быть самою древнѣйшею, что всѣ другія новѣе ея, и что въ числѣ ихъ непосредственно слѣдующею есть фетишизмъ *небесный*, или, такъ называемый, сабеизмъ, сидеризмъ. Къ такому заключенію приводитъ не только то соображеніе, что земля легче и скорѣе должна привлекать вниманіе дикаго человѣка, чѣмъ небо, подобно тому, какъ она привлекаетъ вниманіе даже многихъ животныхъ, умѣющихъ распознавать полезныя и вредныя травы ея, тогда какъ неба большинство животныхъ даже видѣть не можетъ, но также и нѣкоторые несомнѣнные факты исторіи. Такъ, напримѣръ, путешественники не встрѣчаютъ ни одного почти случая, гдѣ люди не имѣли бы еще фетишистскихъ представленій перваго порядка; но такихъ случаевъ дикаго быта, гдѣ нѣтъ еще представленій сабеистическихъ не только множество, а даже наибольшая половина. Съ другой стороны, гдѣ сабеизмъ и теллуризмъ встрѣчаются вмѣстѣ, тамъ первый всегда налегаетъ на второй, первый всегда сверху, второй всегда внизу. Такъ, въ Перу, въ Мексикѣ низшіе классы держались одного, высшіе—другаго. Сабеизмъ въ бытѣ дикарей есть явленіе вообще довольно рѣдкое, хотя и встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта. Абигоны южной Америки поклоняются, напримѣръ, созвѣздію Плеяды. Сѣвероамериканское племя Пихето приносить свой табакъ въ жертву грому и молніи. У ирокезовъ предметомъ почитанія служить все вообще небо. Гвевры въ Азіи поклоняются огню, какъ подобію солнца. Жители Борнео и Целебеса чтятъ солнце и луну. Во-вторыхъ, сабеизмъ долѣе сохраняется, труднѣе экскорпорируется и всегда переживаетъ фетишизмъ земли, такъ что отъ послѣдняго и слѣдовъ иногда уже нѣтъ, а первый все еще процвѣтаетъ. Такъ, напримѣръ, на Целебесѣ и Борнео не знаютъ

уже никакихъ другихъ предметовъ поклоненія, кромѣ солнца и луны. Изъ этого опять можно заключать, что поклоненіе это есть продуктъ сравнительно позднѣйшій. Наконецъ, сабеизмъ доживаетъ цѣликомъ даже до государственнаго быта народовъ, тогда какъ фетишизмъ первой пробы доносить сюда только обломки свои. Таковъ фактъ въ Китаѣ съ его поклоненіемъ небу, въ Японіи съ ея почитаніемъ солнца, въ Персіи съ ея обожаніемъ свѣта. Классическою же страной развитія сабеизма была Аравія. Нигдѣ онъ не развернулся съ такою полнотою, какъ здѣсь, и именно въ странѣ Саба, отъ которой получилъ и свое наименованіе. Выше всего въ этомъ культѣ стояли солнце и луна, ниже ихъ—пять планетъ, еще ниже—главныя созвѣздія, за ними болѣе яркія неподвижныя звѣзды и, наконецъ, всѣ звѣзды вообще. Молитвы къ нимъ адресовались прямо и непосредственно. Само собою разумѣется, что всѣ небесныя тѣла допускали такое же отвлеченіе духовъ ихъ, какъ и всѣ тѣла земныя; а отсюда опять возможность новаго сонма духовъ, небесныхъ, а не земныхъ. Остатокъ такого представленія донесся до государственнаго быта древней Мидіи въ видѣ Ормузда, какъ духа солнца и свѣта, и Аримана, какъ духа луны и тьмы.

Но здѣсь, при этой первой изъ всѣхъ общечеловѣческихъ метаморфозъ (отъ фетишизма къ сабеизму), на этомъ первомъ же шагѣ въ исторію всѣхъ дальнѣйшихъ эволюцій соціальнаго прогресса, необходимо сдѣлать, во избѣжаніе недоразумѣній, оговорку о характерѣ всѣхъ вообще такихъ эволюцій. Этотъ всеобщій и безусловный характеръ ихъ всѣхъ, безъ исключенія, состоитъ въ томъ, что ни одна изъ нихъ не наступаетъ тогда, когда предшествующая совсѣмъ уже окончилась. Такой порядокъ явленій вовсе несвойственъ органическому міру, а соціальному меньше всего. Явленія этого міра вовсе не таковы, чтобы гдѣ есть одно изъ нихъ, тамъ не было бы уже никакого другаго, противоположнаго. Напротивъ того, предъидущее и послѣдующее вездѣ и всегда, въ извѣстной мѣрѣ, но неизмѣнно сосуществуютъ, и если одно изъ нихъ считается характеристичнымъ для эпохи, то единственно потому, что оно переживаетъ собою другое, а вовсе не потому, чтобы оно исключало его. Всякому настоящему въ исторіи абсолютно должны сопутствовать отчасти пережитое прошлаго, отчасти сѣмена будущаго, безъ чего не было бы и самого настоящаго. А потому и во всякій моментъ, равно какъ и на всякой точкѣ первобытныхъ міросозерцаній,

мы всегда можемъ и даже должны встрѣтить, рядомъ съ фетишизмомъ земнымъ, признаки не только небеснаго, но и еще одного, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь. Самыя первичныя очертанія ихъ всѣхъ могутъ возникать даже вполне одновременно и, повидимому, нераздѣльно; но все дѣло только въ томъ, какое изъ нихъ раньше выживетъ между другими, и какое позже, какое прежде разовьется насчетъ всѣхъ остальныхъ и какое послѣ. Въ такомъ-то именно смыслѣ и сабензмъ позднѣе первоначальнаго фетишизма. Начало ихъ одновременно, но разновременно развитіе ихъ.

Разнообразіемъ неба дополнивъ разнообразіе земли, умъ первобытнаго человѣка не остановился и на этомъ. Отъ внѣшней природы, обращая взоръ на внутреннюю, онъ весьма рано создаетъ для себя и свое міросозерцаніе субъективное въ добавокъ къ объективному. А вмѣстѣ съ тѣмъ, и его фетишизмъ восходитъ на самую высшую степень своего проявленія: въ фетишизмъ *родовомъ*, племенномъ, или демонизмѣ. Возникновеніе этого послѣдняго міросозерцанія Лэбокъ и Тайлоръ согласно объясняютъ феноменомъ сновидѣній. Сновидѣнія не могутъ представляться дикарю простымъ произвольнымъ отпаденіемъ мозга. Для него, какъ и для животнаго, всякое сновидѣніе должно представляться дѣйствительностью, реальнымъ событіемъ. Но такъ какъ и для дикаря ясно, что тѣло въ этой дѣйствительности не участвуетъ, то отсюда одинъ шагъ до заключенія, что есть, значить, въ человѣкѣ что-то другое, кромѣ его тѣла, способное отдѣляться отъ тѣла. Еще одно усиліе мозга, еще одна аналогія,—и это другое окажется тѣнью человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, тѣнь имѣетъ ту же самую форму, какъ и человѣкъ, а между тѣмъ она лежитъ внѣ его, а не въ немъ самомъ; тѣнь гораздо легче тѣла и, слѣдовательно, можетъ переноситься свободно съ мѣста на мѣсто; наконецъ тѣни не видно, когда человѣкъ лежитъ и спитъ. Итакъ, тѣнь можетъ отдѣляться отъ своего тѣла, и отдѣляется именно во снѣ. Этимъ-то путемъ дикарь находится по ночамъ въ сношеніи со всѣми другими, какъ живыми, такъ и мертвыми: его тѣнь посѣщаетъ всѣхъ другихъ дикарей, а тѣни ихъ всѣхъ посѣщаютъ, въ свою очередь, его самого. Само собою разумѣется, что изъ всѣхъ тѣней симпатичнѣе для человѣка и дружественнѣе должны быть тѣни его родственниковъ; а между этими особенную таинственность и покровительственность должны пріобрѣтать тѣни предковъ, тѣни отцовъ и дѣдовъ, которыя остаются